

29.11— 05.01— 2004—05 г.

Год спустя

(В прямом и сексуальном смысле)

Ярко освещенная комната со звукоизоляционным покрытием стен. Несколько офисных стульев на никелированных ножках. Шезлонг с мягким матрасом, подушками и подставкой под ноги. Два стола: большой с предметами на поверхности и маленький сервировочный на колесиках пустой.

На столе — большая плоская хрустальная ваза для пунша, мобильник, сигареты, коробка сигар, зажигалка, горячий чайник, красная и черная свечи, полотенце, медицинский бикс, пластиковая форма с косметическими салфетками и разноцветными тампонами, набор для маникюра. Всё это в обрамлении длинного черного кнута, ярко-розового полуметрового фаллоса и небольшого женского стека с треугольной кожаной нашлёпкой на конце.

В центре комнаты — я, грудь и спина стянуты перекрещивающимися ремнями раба со стальными кольцами. Руки сцеплены сзади наручниками, от которых через блок на потолке отходит никелированная цепь, другим концом зацепленная за крюк на стене. Ноги зафиксированы у щиколоток кожаными ремнями к кольцам в полу. На моей голове — облегающий черный кожаный шлем с молниями на глазницах, области рта и на затылке.

Мой рот плотно заклеен широкой полосой черного скотча. Цвет сливается с кожей шлема.

Яйца перехвачены под членом мягким лайковым ремешком с отходящей к полу тонкой блестящей цепочкой. Стою так уже около часа. Голова под шлемом взмокла.

Дверь раскрывается и в комнату входит Госпожа. Она прекрасна!

Красавица в шокирующем ярко-синем нейлоновом парике, стрижка — жесткое каре. Её дивная фигура обхвачена её любимым черным с фиолетовыми вставками кожаным корсетом под горлышко с открытой грудью. На руках длинные перфорированные фиолетовые перчатки с массой блестящих заклёпок, пальцы унизаны золотыми кольцами и перстнями, из которых один, с крупным ультрамарином особенно бросается в глаза... На лице — красивая черная с серебром полумаска, а на шее — широкая из мягкой кожи шипастая перепонка со стразами. У Госпожи ведь ошейников не бывает!

Её обувь — отдельный разговор. Итак, готовьтесь, сандалии на высокой прозрачной платформе и каблуках, сверху — переплетения редких тонких кожаных ремешков, пальчики ног не тронуты стяжками до начала подъема стопы, пяточки свободны. Спереди по голени — лоскут черной лаковой кожи с заходом на колено, как щитки легионеров в Древнем Риме, который на икрах продолжен частыми кожаными ремешками с блестящими металлическими застежками. На одной щиколотке красивая золотая цепь с кулоном, на другой — переливающийся золотой многозвеньевой браслет. Очень эффектное зрелище!

А пальцы длинных ног — шедевр! Глубокий темно синий с алмазным отливом лак! Десять пальчиков, на пяти из которых золотые колечки, десять разновеликих сверкающих сапфиров, десять источников ультрамариновых сияний! Я тащусь от её любого педикюра, но этот — просто выше восторгов, дух захватывает: смотри и бледней раб! Хоть бы мне досталось его полизать сегодня!!!

Преступление

Звонко цокая каблуками, Госпожа плавной походкой приближается ко мне.

— Ну, раб приветствуй свою Госпожу!

Я мычу приветствие из-под скотча. Пауза.

— Ты что не видишь меня? Где твои слова радости и почтения? Compliments мне? Где?

Я мычу, что есть сил.

— Так, значит? Так-то ты любишь меня, скотина? Так меня чтишь?

Она ругает меня последними словами. И размахнувшись лепит мне шикарную сильную пощечину, потом вторую третью, четвертую. Потом, постояв, обходит меня сзади, расстегивает душный шлем и снимает его за кольцо на темени. Испытываю облегчение от свежего воздуха.

— Ну, а сейчас, когда ты свободен, говори, что должен!

Я снова мычу.

— Понятно. Значит, раб взбунтовался! Ну, это мы сейчас уладим! Это мы быстро устраним, погань! Ты, что себе возомнил? Я терпеливая, но наглость такой мерзости как ты — выше терпения! Ротик у него нужно расчистить, язычок заставить двигаться! Ответишь за всё гандон синегнойный!

Она берет со стола медицинский бикс и вынимает оттуда длинный пинцет, защип и роторасширитель. И вот она уже снова около меня. Еще четыре пощечины, но уже по другой щеке. Отдирает скотч, я скулю и прошу извинения и милости. Её лицо — прекрасный и холодный камень. Она — не умолима.

— Рот, открыл рот, сволочь поганая. Быстро! Шире!

Она вставляет мне роторасширитель и раздвигает его лопасти по максимуму. Пинцетом выхватывает изо рта язык и крепит прищепкой к лопасти стали во рту. Язык оказывается вывернут наружу, а рот открыт до гланд.

— Рот — главный орган раба! Он весь и всегда принадлежит мне. Что бы я твоя Госпожа, хотя это недостойно меня быть Госпожой такой мрази, могла в него плюнуть, стряхнуть пепел, выкинуть окурок, бросить что-нибудь мне не нужное, испорченное или грязное, а также для удобства справить мою малую или большую нужду. Не понял? Чтобы я мочилась и какала в волю, чтобы другие по моей прихоти ссали и срали тебе в рот, теперь понятно? У тебя есть еще отверстия, уши например, нос, а вот и твоя вонючая дыра в заднице, чтобы иногда Госпожа могла развлечься с тобой, разворотив тебе всю сраку. Так, из шалости! От скуки. Понял?

Она отходит от меня.

— Но сегодня я добрая. Понимаешь, я очень возбуждена сексуально и мне нужен мощный оргазм и ты обязан мне его дать. Должен понял! Я так хочу трахнуть, мне так надо кончить! Готовься! Это большая честь! Твоя редкая удача!

Она начинает плавно двигаться в сексуальном танце, а это она умеет. Она такая манкая, такая соблазнительная. Ноги, руки, бюст, а как подмахивает снизу бедрами и тазом! Я весь — сплошная эрекция без тела, без мозгов, один трясущийся от возбуждения член! Наконец, плавно изгибаясь, она выстраивает свое тело против меня, стоя ко мне спиной недосыгаемая моей прикованностью, разводит ноги сладко постанывает. Наконец запускает руки в перчатках между ног, расстегивает молнию на промежности и прелесть киски и ануса вырывается на свободу! Дав мне насладиться этим видом она оттопыривает очаровательный зад и сладко урча прогибается в перед. До нее всего пол метра, но я прикован! Я дергаюсь как

могу, но всё тщетно! Недостигаема!

— Ну же иди ко мне. Я такая сладкая, влажная, мы чудно кончим вместе!

Я схожу с ума от напряжения и беспомощности. Она еще долго прогибается, приседает, стонет, раздвигая то мякоть влагалища за чудесные блестящие колечки, то анус, выворачивая его влажную дырочку. Её влажный рот открыт с сексуальной истоме, красивый язык облизывает сочные губы.

— Не хочешь? Почему? Разве я не хороша?

— А, помню ты большой любитель лизать мою нежную киску, эластичный клитор, присасываться к мочевому каналу, вдыхать запах влаги и нырять языком в пещерку для мужских членов. Сейчас у тебя всё получится.

Она встает ногой на сиденье стула и развертывает передо мною свое влагалище анфас.

— Ну же становись на коленки и ползи сюда под мои ноги! Снизу лизни, я знаю, ты так любишь снизу, войди в меня языком, а я на него опущусь. У тебя получится. Поверь, тебе будет классно. Давай начинай!

Я бьюсь в истерике, истязая скованные руки, ноги, я хочу орать благим матом сквозь роторасширитель. Но только издаю какое-то дебильное вяканье.

— Ну, чем еще тебя завести, может ты из тех эстетов, что любят нежный и сладкий женский нектар? Ползи сюда, под киску у меня есть внутри влага, я напою тебя ею «из родничка», отдам всю до капельки. Ползи под киску и всё получишь. Ну что же ты?

Червяк на крючке перед смертью ведет себя более спокойно, чем я. Как только мои пути все выдерживают. Это не сносно!

Демонстрируя свою готовность к совершению чудесного акта Госпожа, всё еще стоя на одной ножкой на стуле, сидение которого промято её платформой и гигантским каблуком, откидывает торс назад и выпирает вперед разведенное пальцами сочное влагалище. — Смотри! Смотри же вот оно, это тебе от меня!

Не выносимое издевательство! Совершенно жуткое напряжение! Мои ошалевшие глаза пожирают её орган.

Госпожа напрягается несколько раз и длинная янтарная струя вылетает перед ней, образуя лужицу на полу. Воздух наполняется её несравненным ароматом.

— Давай слизни с пола, опусти в лужу свой похотливый язык! Собери всё до капли, ну... жаль!

— А может быть сзади? А? Ты ведь так любишь лизать мой анус, входить в него языком на всю длину. Ворочать своим языком в мокром органе в обрамлении страстных губ. Тут всё вкусно! Очень вкусно! Ты сможешь если повезет достать себе на кончик языка моего «шоколада», посмаковать его во рту! Ты ведь всегда так трепетно бьёшься от дрожи когда получается копро-акт.

Она поворачивается и прогнувшись телом раздвигает руками в печатках стенки своего заднего отверстия, его пухлые стенки формируют влажные страстные губки, вытянутые мне на встречу.

Она, издевательски поглядывая через плечо, облизывается и реально тужится совсем близко от меня, её томные стоны имитируют известный туалетный процесс. Кажется что вот-вот и она разрешится горьким черным или молочным «шоколадом».

Запредельное отчаяние. Но я знаю, что это только начало Доминации и Изощренного Издеательства этой женщины надо мной, её рабом.

— А... вот, что тебя подвинет к действиям!

Она спускает ногу на пол и подходит к столу, её рука берет прозрачный ярко-розовый полуметровый фаллос. Фаллос двусторонний блестящий со всеми анатомическими деталями: крупные головки членов с обеих сторон, гибкие вены и складки, как настоящий при сильной эрекции!

Госпожа подходит в плотную ко мне и, злорадно улыбаясь, прикасается головкой фаллоса к моей щеке.

— Нравится? Правда красивый, а какой удобный, длинный до любого доньшка, приятный на ощупь, в руке и в обеих дырочках. Как с ним можно сладко и классно покончить, понежиться на нем!

Ононирующая Госпожа — завораживающее зрелище!

Продолжая расписывать достоинства фаллоса, она вводит его мне в рот и трет им об мой язык и слизистую щек.

— Соси, соси, сучка, смачивай его как следует, чтобы он во мне мягко ходил, драть надо со вкусом! Тебя и куском автомобильной покрышки можно трахнуть, а Госпожа должна получить всё на высшем уровне и внешне всё должно быть красиво! Так... Ну, вроде увлажнился.

Она подвигает стул ко мне почти в плотную ко мне. Ставит на сиденье божественную ножку, которая сверкает ультрамариновым педикюром, золотом украшений и прозрачным каблук с платформой. Раздвигает за колечки пальчиками свое сладкое и сочное как спелая груша влагалище. Она водит головкой фаллоса по своему чудному клитору. Смещая в стороны колечко с кулоном, натирает себе возбуждение, дающее сок и блеск ее нежной мякоти. Постановивает и, вдохновлённая, закрывает глаза с легким радостным вскриком вводит головку в вагину, плавно вращая розовый предмет любви, ввинчивает его в свою полость до упора. Выждав сладкую паузу начинает медленно, потом быстрее выпускать и вгонять его по длине в верх и низ. Через несколько минут увлажнение становится сильным, а принимающие стенки податливыми и эластичными и при движениях отчетливо слышен сладострастный звук мягкого чавканья, хлюпанья. При ускорении темпа и амплитуды движения он перерастает даже в бульканье от растекающегося сока. Она вся сочится сексуальной влагой!

Я уже захожусь в своих мучительных конвульсиях, но мало интересуется Госпожу. Она плавно входит в сильный оргазм с дрожью и стоном кончающей женщины. Её голова в искусственном синем нейлоне, бедра и особенно таз охвачены мелкой страстной дрожью. Внезапно она достигает экстаза и, дергаясь уже всем телом, бурно кончает с неприлично громкими воплями. Я люблю, когда она вопит в оргазме хоть вместе со мной, хоть в одиночку, всё равно ведь я — участник её кайфа! Она затихает медленно успокаивает сою плоть томными движениями фаллоса внутрь вагины.

Очнувшись, она победно смотрит на меня, закованного в путы. Она отпускает фаллос и он упруго качается между её расставленных бедер. Зрелище обалденное: красавица в костюме госпожи, женщины-вампи, вся переливающаяся темно-синим, иссиня-черным и золотым светом с кричаще-розовым фаллосом между ног. Все ее тело влажное после совокупления с этим розовым дьяволом. Я вновь чувствую её горячее дыхание и воздух пропитывается возбуждающим запахом влажного сексуального женского естества.

Но ей мало и она вновь подхватывает упругий фаллос. Насмешливо глядит на меня, забитого неудовлетворенной похотью, скованного по рукам и ногам с дурацки фиксированным ртом и

защемленным языком, затем грациозно, не снимая ноги с сиденья стула разворачивается ко мне задом. Она дает время мне разглядеть её со свисающим розовым прозрачным членом, затем отодвигает в сторону одну ягодицу, выворачивает наружу пухлый анус и другой рукой пытается всунуть его второй конец в новое отверстие. Демонстрируя неудачу, она тихо говорит мне:

— Не сможешь. Не лезет, гад, а хочется еще по полной программе, я догону второй оргазм, успею если ты подтолкнешь. Давай просовывай его. Ну что ты! Не хочешь. Жалко тебе что-ли. Ну ладно, говнюк, сама справлюсь. Хотя с паршивой овцы хоть шерсти клок...

Она бесцеремонно запускает пальцы в перчатках в мой рот и собирает там влагу с языка и щек, затем смачивает себе разведенный пальцами другой руки анус и снова — в мой рот за увлажнением. Постепенно мой рот пересыхает, а на языке остается привкус ее вспотевшей промежности.

Поманипулировав, ей удается ввести головку в ротик попочки. Она облегченно радуется и, встав на пол, подходит к стене. Она как над унитазом расставляет ноги, согнутые в коленях, Упираясь в стену загнутым фаллосом одевает свой анус на него. Госпожа постанывает, жалуется, что туго идет и помогает проникновению сначала одной, потом двумя руками. После определенных усилий оба конца фаллоса введены в передние и задние ворота рая. Снаружи — лишь короткий искривленный отрезок розового латекса. Госпожа упирается этим участком в стену и трется о неё, двигая оба конца внутрь. Её руки в перчатках томно щипают её красиво торчащие соски. После некоторого времени её усилия вновь подводят её к оргазму. Я вижу как томно закатываются её прекрасные глаза, рот наполняется звуками сладких стонов, а тело — дрожью. Всё заканчивается бурным оргазмом и одна без стыда бьется задом о стену, глубже и глубже вгоняя в себя розового змея. Наконец, она заходится в экстазе, кончает и успокаивается.

Наказание

— Ну, вот, пидор, как ты не старался мне помешать, обломилось тебе! Классно оттянулась! Эх, так бы почаще, да подольше.

Госпожа сладко потянулась. Потом расставив ноги на шпагат сделала томный прогиб туловища.

— Хорошо-то как!

Она плавно вытащила из себя мокрого розового «змея» и вытерла его оба конца о мои губы и щеки, затем еще раз насухо — о мои волосы. Я чувствую её остывающую слизь на моем лице. Госпожа взяла со стола две косметических салфетки, промакнула и подтерла ими свою распаленную мастурбацией вагину, потом анус. Обе мокрые салфетки аккуратно уложены мне по очереди за каждую щеку.

Она подошла ко мне, в глазах плясали жестокие огоньки.

— Значит ты, тварь помойная, так со мной? А как в моих ногах валялся, помнишь? Слюну на мой зад и киску изводил, забыл? Как хныкал и просил меня мочиться на тебя, залить твоё лицо и горячей мочой, а как ты свинья лакал её в разных видах — и с пола, и из «родничка», сзади, спереди, из унитаза с какашками, сосал мои обоссанные трусики и колготки, жрал обмоченный мною снег, слизывал ее с моих ног и обуви? А копро-акт! Как ты высасывал «шоколад» из моей задницы, как лизал его плача от восторга, стонал от похоти, когда горячий кренделёк упал из зада на твоё лицо, а я сапогом размазывала его по твоим губам, «шоколад» жрал, сука, килограммами!? Часами на вытаскивал башку из унитаза после меня! Всё чавкал,

стонал и дробил как полоумный! Сколько оргазмов получил с моей подачи! И вот твоя блядская благодарность! Ответишь, гнида, за все! За мою поруганную женскую честь! Ответом ей был лишь звон цепей и глупое мычание со стонами раба.

Она зашла сбоку и плавно приподняла прямую ногу. Я никогда не смогу вдоволь насмотреться на её ножки! Обувь а-ля *Missres*, шикарный ошеломляющий педикюр, пальцы и щиколотка в золоте! Красота фантастическая!

Госпожа, как известно, обладает гимнастической гибкостью и ей ничего ни стоит, стоя положить свою ножку на каблук на мое плечо рядом со щекой заклиненного рта. Упершись в меня как в снаряд, она глубоко просела в шпагат. Сдав назад, она провела платформой и каблук по моей щеке и когда её пальчики поравнялись с моим носом ощутил небесный запах её косметики для ног и свежее-накрашенных ноготков. Она терла ноготками мое лицо и светила злобной улыбкой.

— Ну, же хоть ножку поцелуй! Хоть полижи мой ультрамариновый педикюр. А пяточку сможешь пригубить. Ведь ты — раб моих ножек! Не хочешь? Почему? А раньше так тащился, ноги не успевала мыть после тебя. На улице все мужики за мной оборачиваются с высунутыми языками и чмокают губами. Весь тротуар слюной заливают, а ты не любишь! Что за блядство.

Я уже теряю рассудок. Это удар, который не держат! Нокаут. Я даже мычать перестал.

Ножка снимается с плеча и каблук ложится на мой вздёрнутый член, разъединенный с яйцами. Под весом ноги он прогибается, ножка соскальзывает, но вновь возвращается. Это довольно больно, но её забавляет. Наигравшись, она меняет ногу и стилет её каблука, описав дугу, ложится в мой рот на язык. Госпожа радуется своей находке и ворочает каблук на моем отеке от прищепки органе.

— Ну, хоть отсалютуй мне, своей Госпоже! Залпом своей гнилой спермы, вижу, что какая-то стоячка у тебя еще осталась!

Она берет мой член в руку и, одновременно как бы не замечая, наступает на цепочку на полу, идущую от манжеты на яйцах. Естественно они с болью опускаются еще больше к полу. Всем известно, что мужчина не может кончить с перевязанными под членом яйцами, а когда они еще и оттянуты это абсолютно исключено, только адские муки... Госпожа делает вид, что не замечает этого, акт моей мастурбации в её исполнении — суровое женское издевательство, ради её развлечения и моего унижения. Мои стоны вызывают её усмешки.

— Дрочу, дрочу, а всё тебе не в кайф, ну давай брызгай что ли, устала я, на тебя работать.

— Не хочешь значит... Не любишь... Ладно.

Она подходит к большому зеркалу на стене, оглядывает себя с разных сторон.

— Зажрался! Вон какая я прелесть. Грудь, соски, талия, бедра. А лицо... это ведь настоящая красота! Ножки, ноготки один к одному как на выставке, лак... Так ведь лучший! Педикюрша от зависти чуть не сдохла! После меня взяла отгул — в себя придти! А он, сука последняя, тварь, мразь... Ненавижу гада, убью на хер, как таракана задавлю! Наверное, по малолетней мокрощелке какой-нибудь сохнет, а может и мальчика с толстой попкой присмотрел или кто-то его поимел, «приголубил» и он теперь тащится... В душу плюнул... Всё!... Сейчас, гандон, за всё ответишь как над такой женщиной глумиться!

Госпожа берет со стола сигарету и мобильник, закуривает и прохаживается мимо меня, сверкая от гнева глазами. Пикает набираемый ногтем номер.

— А, Ашотик, привет! Да это я... узнал... забыть не можешь... лапочка моя... ты правда за

меня... Слушай, одна блядь мужского пола меня оскорбила... Да... Ты его видел тот урод, что со мной был на вернисаже... да, я понимаю, что сволочь... да... мерзость... да ты чуть не сблевал... а я дура... еще думала... надеялась... ну сухой последней оказался... причем тут деньги... честь мою опоганил... Заступись, будь мужиком!... Да просто... ты ведь всех кто шевелится ебёшь... трахни его в зад... он это страшно боится... а лучше в рот ему накончай... куда он денется... он у меня связанный с яйцами на привязи... дерну вверх и евнух для гарема... или кастрат для хора мальчиков... тебе противно... так я заплачу... штуку баксов... так десять штук, но чтобы сначала в жопу, а потом говняным хуем в рот, выссысь ему... он это любит... да он сам у тебя отсосет и зад отлизет до желудка, он же яйцами дорожит, а мне — утеха горю... Ашот... не будь ты жопой... я в добавок тебе отсосу с вывертом как ты любишь пока он тебе зад вылизет... Ашот ты не мужчина, да, он гандон... ты брезгуешь?... ты, который всех от детей до старух и стариков... Ну и что, что тебе противно... а бабки, десять штук... а я... некому заступиться за честную женщину! Все вы мужики гавно...

Она в ярости ходит по комнате.

— Самый последний подонки и тот не хочет эту тварь...

Проходя мимо меня стряхивает пепел мне на язык, потом смачно сплевывает, плевки летит прямо в горло. Я кашляю.

— Заткнись,... лучше заткнись сучонок!

Она несколько раз с видимым наслаждением плюет мне в рот, стряхивает пепел, а когда сигарета догорает, плюет на нее, она шипит и еще горячая помещается мне в рот. После раздумий, она радостно сообщает:

— Идея! Недавно встретила одного старого бомжа-алкаша помойщика, грязный... вонючий за версту... так он весь гнойными язвами был покрыт, прыщами, коростами и угрями, гной аж капает! Дала ему двадцатку на лекарства да пиво... а он весь трясся от бодуна и лихорадки... бросила ему еще свой старый телефон для развлечения... если не пропили сейчас позвоню ему! Для тебя, дорогой постараюсь!

— Алло, Борисыч ты... твоя благодетельница... жив еще?... да ладно... а хочешь похмелиться?... а денег даром?... да я нормальная... просто... да гуманистка я... всех людей люблю... кроме одного... говнюка... слушай штука баксов... это много Борисыч много на зимухвати... я привезу тебе грёбанного гада, так он у тебя отсосет... он это любит, заодно член твой от говна отмоет... задик тебе глубоко полижет... он всё сам сделает... у меня его причиндалы на привязи... он будет стараться... всё отлизет и отмоет... мне это надо, мне понимаешь... да он зубы вычистит, чисто вымоется горло прополощет... одеколон, дезодорант... что... одеколон — тебе ладно... это я чтобы тебе противно не было... как не будешь?... ну хоть насать ему в рот сможешь?... тихо так пописать?... а лучше струёй... живот после помойки болит... а он тебе языком зад полечит, а ты ему весь понос припаси... да понос и в рот и на рожу... десять тысяч баксов... новая жизнь для тебя... ну соберись ради женщины... ну потерпишь, а потом его и обблюешь... гад ты неблагодарный... пошел на...

— Да,... такое дерьмо даже этим подонкам не нужно, хоть за баксы... Ладно всё придется всё делать самой.

Госпожа берет со стола стек и, подойдя ко мне, поднимает им мой подбородок.

— Рано радуешься. Я ведь за себя постою.

Сильная пощечина, отпущенная мне, её вдохновляет. Она расстегивает мой роторасширитель и убирает его и прищепку. Облегчение как при помиловании! Быстро глотаю всё, что

скопилось во рту.

— Спасибо Госпожа! — еле выговариваю я. — Я Ваш червь! Я так виноват! Я Вас так обидел! Щелчок набойки стека по щеке, потом — по другой.

— Это не обида! Я ненавижу всякую мразь, а ты — хуже мрази. Ты ответишь за все! А свободный рот тебе нужен чтобы я насладились твоими страхами воя и воплями, когда буду тебе мстить за свою честь!

Стек щелкает меня по щекам, затем по соскам, по опухшей от изощрённых издевательств головке члена. Больно! Но я — её покорный и бесконечно влюблённый раб. Я скулю и плачу: — Я — Ваш неблагодарный раб. Я всё заслужил. Моя вина безмерна! — Еще бы не заслужил! Уж так нагадил как никто в жизни!

Стек положен на стол и в руках Госпожи длинный страшного вида кнут. Она отпускает со стены цепь на несколько звеньев, чтобы я мог двигаться под ударами. И отойдя на расстояние, пускает в меня жало кнута, которое со свистом летит на мою спину. Дальше с небольшими паузами идет порка раба по всем правилам Женского Доминирования. Сначала я терплю, стиснув зубы и кривясь от боли, но я должен доставлять ей наслаждение и потом боль сильная и я начинаю громко орать после каждого удара. Госпожа заводится еще больше. Спина, ягодицы, ноги, снова спина... Ору, плачу, громко прошу простить меня. Мои мольбы услышаны — Госпожа бьет еще сильнее и чаще!

Наконец Госпожа останавливается, освобождает мои ноги, оцепляя кандалы от колец в полу, чтобы я мог извиваться при её наказании. Я почти свободен, но в рамках одного шага от верхней цепи.

— Получай гаденыш...

Свист, удар, боль, горящая кожа, сладкая любовь к прекрасной мучительнице... , очаровательной истязательнице... , моей ослепительной Госпоже.

Хотя, она всегда утверждает, что не большая любительница наблюдать мои болевые страдания, в её сверкающих глазах проглядывает откровенное удовольствие от демонстрации своей неограниченной власти надо мной, власти регулятором которой является боль. Она со вкусом наблюдает как я дрыгаюсь под кнутом и ору от боли, сам процесс бичевания, внешне очень эффектный и острый волнует и возбуждает нас обоих.

Всё! Кнут отброшен. Госпожа возбуждённо дышит, встряхивая уставшие от работы руки, берет несколько косметических салфеток и тщательно протирает вспотевшие участки дивного тела: подмышки, шею, грудь, промежность. Всё это естественно скармливается мне.

— Спасибо, Госпожа!

Помилование

Госпожа приспускает цепь и я валяюсь в перед на колени с туловищем под углом 45 градусов к полу и загнутыми назад руками. А вот и её милость. Под мою взмокшую от пота голову подводится утешение — лучшая ножка в мире! Она за наручники заламывает мои руки кверху, опуская мою голову к своим ногам. Я страстно и благодарно целую великолепное создание Природы с оформлением по всем законам косметического искусства. Сладкий миг целования её несравненного педикюра!

Но мы прошли лишь половину пути. Она, расстегивает мои наручники и велит мне снять все путы с ног и туловища, кроме лямки под членом: это справедливо, я ведь знаю, когда сниму её мне разрешат классно разрядиться, а это еще нужно заработать. А сейчас я валяюсь у её ног, покрывая их благодарными поцелуями.

— Спасибо, Госпожа!

Пауза окончена, Госпожа медленно и величаво прохаживается по комнате. Мне надлежит семенить за ней у пола и коленях, целуя её следы, стараясь, если удастся, чмокнуть её каблук или лизнуть пяточки. Я много и вдохновенно описывал её педикюр. Но её пятки — не меньший шедевр! Представьте себе спелый персик без кожицы, сладкий, нежный, сочный и ароматный!

Я могу их сравнить только с ним. Целование и сосание их настоящее блаженство, впрочем, вся её ступня: и подошва и подушечки пальцев — это чудо, от которого не оторваться! Содержать всё это в идеальной форме требует больших усилий — её, моих, и косметологов. Госпожа презрительно наблюдает, как я ползаю за ней, наслаждаясь её ногами, её обувью, педикюром, драгоценностями в которые он оправлен. Но её прогулки не бесцельны. Вот мы уже на берегу. На берегу золотого озера, которое она сотворила из своей восхитительной вагины. Её туфля властно встает в этот водоем, затем туда же следует вторая. Я тут же, вдыхая аромат её мочи с пола, приближаю лицо к лужице и, постанывая от наслаждения, лижу уже остывшую холодную от пола влагу вокруг её платформ и каблуков. Холодная и горячая моча имеют разные запахи, разные вкусы и разные, но всегда приятные удовольствия, т. к. всё это от неё, её творение! Госпожа не торопится ей нужно, что бы я всё тщательно вылизал. Затем она сгибает ногу назад в колене, влага капает с каблука и подошвы и мой язык всё это слизывает. Вторую ногу она просто поднимает от бедра и я забегаю спереди обрабатываю её обувь языком. Всё! Влага вся собрана в меня!

— Спасибо, Госпожа!

Она берет стек и мелкими ударами оживляет красноту моей исполосованной спины. Потом зажигает две свечи — красного и черного цвета и на мою спину и ягодички капает горячий воск. Каждая капля дарит рабу сначала резкую боль ожога, которую казалось бы не стерпеть, но воск мгновенно остывает и эти перерывы между легкими ожогами дают возможность выдержать экзекуцию. Ей нужна горячая спина раба, по такой спине она любит делать трамплинг. Я ложусь рядом со столом, т. к., Госпоже на огромных каблуках и платформе нужен упор на руки. Она величаво восходит на мою спину, застывший воск трескается и разлетается под её каблуками, она слышит мое шипение стон от её топтания по мне. Её ножки перемещаются по моей спине, шее, ягодичкам бедра, икрам, плечам, рукам, задерживаются на голове, чтобы я прочувствовал её власть. Она не тяжелая, хотя имеет высокий рост, но каждый шаг оставляет на отбитой кнутом коже дополнительный красный кружок острого каблука... Если посмотреть на меня сверху, то тигровая раскраска кнута постепенно сливается с леопардовыми пятнами от её каблучков.

Пинком ножки в бок Госпожа требует чтобы я перевернулся и вот я уже лежу на спине, получаю новый этап трамплинга. Острые каблучки со вкусом прохаживаются по моему животу и груди, плечам, давя и царапая кожу. Она любит постоять каблуками на моих сосках, потоптать их ножкой. Еще пинки и я на боку, пройдясь по бедру, прекрасные ножки спускаются на пол и мягко но уверенно прижимают носком, а потом и каблучком мой член к полу, трамплинг заканчивается головкой члена. Эта та боль, что дарит рабу власть Госпожи. Наконец, я снова на спине и она величественной восходит на мое лицо, она это обожает! Носки — на лбу, подошва туфель на глазницах и щеках, каблучки — у рта. Рот естественно, открывается и сопровождаемый облизыванием языка острый и длинный каблучок входит в рот раба, который покорно его обсасывает, один потом второй. Я — её раб. Она — моя

обожаемая Госпожа. «Пьедестал»!

Нагулявшись по телу раба, Госпожа спускается на пол и садится нога на ногу на стул. Верхняя нога заброшена вызывающе высоко.

— Спасибо, Госпожа!

А вот и желанный приказ снять отделительную ляжку с яиц.

— Спасибо, Госпожа!

Я бросаюсь к её выставленной ноге и запоем покрываю ножку поцелуями, всю: пальчики с темно-синим лаком и колечками, взъём стопы, голень с браслетом, пяточки, обувь. Потом бросаюсь опорной ногой, здесь есть особая улада — засунуть язык под пальчики и под пяточку между обувью. Она позволяет мне это сделать, а когда язык залезает в эту щелку она сладко топчет его. Приятно, не передать! Наконец она поднимает от обуви свод стопы я, стоя на коленях, просовываю под ножкой свой воспаленный член, он идет туго и Госпожа милостливо отстегивает один крепежный ремешок. Войдя под стопу, мастурбирую себя движениями члена под ней, а подхватив верхнюю ножку под каблук вылизываю её лакированные пальчики. Она всё прекрасно чувствует и когда я достигаю оргазма плотно зажимает мой член ногой. Раньше иные женщины любили мне это делать во время миньета, пережимать на секунды вылет спермы, чтобы потом, резко отпустив зажим, я получил особый кайф выстрела из канала. Выждав паузу, Госпожа отпускает мой «ствол» и с невероятным кайфом и стоном облегчения я, дергаясь, выбрасываю из себя всё, что накопилось за сегодняшний день, еще и еще.

— Спасибо, Госпожа!

Я совершенно счастливый лежу на полу с идиотской улыбкой и разрядившимся телом. Госпожа расстегнула и устало сбросила на пол свой знаменитый корсет, нагая и прекрасная проследовала с зажженной женской сигарой к мягкому шезлонгу и улеглась на его подушки. Её дивные ножки всё еще в обуви свисают с подушки подножной приставки. Госпожа отдыхает, пуская в верх струи ароматного дыма. Но раб должен постоянно заботиться о своем кумире и я ползу к шезлонгу, чтобы принимать ртом отгорающий пепел. Это длительная и плавная процедура и Госпожа выполняет ее с изысканной грацией руки и красивого щелчка пальчика по сигаре. От сигары остался окурочек в треть её длины, когда Госпожа гасит её слюной, сплевывает остатки слюны мне на язык и, чтобы я помнил чей я раб, требует чтобы я развел свои ягодицы. Я всё делаю и получаю горячий окурочек сигары в свой зад, немного больно, но терпимо.

— Спасибо, Госпожа!

Я по приказу извлекаю её прекрасные ноги из очаровательных сандалий-сапожек. Отстёгиваю каждый ремешок на уставших ножках, освобождаю от гнёта стопу, пальчики, голень и аккуратно ставлю рядом с шезлонгом, каждую ножку нужно удобно устроить на подушечку. Затем молю Госпожу о чести вылизать их. Мне оказана эта честь щелчком пальцев в воздухе. Наконец-то! Вся нога на свободе. Как она прекрасна!

Я нежно целую и облизываю каждый пальчик, каждый топазовый ноготок, каждую ложбинку между пальчиков, миллиметры стопы, целую и сосу пяточки, лижу голень и снова спускаюсь вниз. Это так приятно, даже забывается окурочек, щиплющий слизистую зада. Госпожа переворачивается на живот и я всё воздаю ее подошвам и подушечкам пальцев, также тщательно и нежно. Госпожа отталкивает меня, ложится на сиденье, а ножки забрасывает высоко на спинку шезлонга, они дерзко подняты вверх. Я встаю во весь рост и,

заходя за спинку, ртом одеваюсь по переменно на её, выставленные на показ, пальчики ног. Какие же они прекрасные и вкусные! От слюны ультрамарин ногтей и золото колечек просто ослепляют, цепочка и браслет нежно позвякивают. Я захожусь этим чарующем действии.

Госпожа, насладившись моим востогом, отнимает ножки и, забравшись повыше на подушки, ставит их на пол на цыпочки. Я обожаю их на цыпочках. Контурит каждый побелевший от напряжения пальчик, каждый напедикюренный ноготок, а какие мягкие нежные складочки образует кожа ступни! Со сладким стоном бросаюсь к ним на встречу. Стоя на коленях целую, лижу их как одержимый. Я смягчил гнев Госпожи и слышу сверху её властный, но уже без агрессии голос.

— Можешь кончить, раб в этом раю!

Мне дважды повторять не надо. Мастурбирую и классно кончаю, стараясь увернуть свою «брызгалку» от ее ног. Я уткнулся в её ноги и затих в блаженстве.

Но дальше следует навести порядок.

Я, на сервировочном столике, качу к её ногам маникюрный набор, полотенце и горячую воду в хрустальной вазе для пунша. После погружения прекрасных стоп в горячую воду, вынимаю разомлевшую ножку и пластиковой остроконечной палочкой из набора прочищаю щелки под ноготками на ногах Госпожи. Как бы тщательно не обрабатывала пальчики профессиональная педикюрша, услужливый раб всегда найдет там немного белесоватого налета. Конечно, всё происходит очень осторожно, не задевая бесценного лака, полученное из под ногтей я, глядя влюблёнными глазами на Госпожу, смазываю себе на язык и смакую во рту. Так обработан каждый пальчик, каждый ноготок.

Она наклоняется надо мной. Берет пинцетом мой язык и себе, и мне в удовольствие водит моим языком по своим пальчикам, между ними, потом полирует языком раба лак ноготков. Очень изящная и волнующая процедура поклонения Госпоже.

Тщательно и бережно омываю поочередно её ножки. Ультрамарин контрастно играет в прозрачной воде. Обтираю каждую полотенцем, закончив, опускаю голову в воду и медленно со вкусом пью. Ножки водружаются на мою голову.

— Ты сможешь еще раз кончить, услужливый раб!

Я хватаюсь за член с головой в вазе. Это долгий третий процесс, но Госпоже вдруг захотелось его ускорить. Она плотно берет меня сверху за волосы и ножка блеснув синевой педикюра и золотом влетает в мой рот. Она интенсивно двигает её во рту. Заводится сама, мои оба уха — в её руках и она буквально как чулок или носок обувает мой рот на свои пальчики всё глубже и глубже. Слюна летит вокруг трахающей мой рот ножки. Возбуждение перерастает в оргазм и остатки семени брызжут наружу. Я падаю в изнеможении.

— Всё. Занавес.

Ярко-синий нейлоновый парик и полумаска сброшены. Госпожа с иссиня-черной стрижкой естественных волос улыбается, переступает через меня и подходит к столу. Берет огарок свечи.

— Воск быстро кончился. В следующий раз надо брать больше свечей. О боже, что это у тебя... ?!

Правда

— Ну, стой прямо. — Госпожа обращается ко мне по имени. — Шире рот. Господи, сколько крови.

— Вон на мягком нёбе у тебя сильная ссадина от ногтя моего большого пальца... Да, не надо

было пальчики мне растопыривать... а тебе — рот не зажимать. Серьезная травма... Иди в ванную.

Вопреки расхожему мнению обывателей, фут-фетиш — пожалуй, один из самых травматичных видов Женского Доминирования. Кажется чего там, целуй и лижи женские ножки. Но нет! Госпожа с её амуницией в виде платформ, гигантских каблуков, цепей, шпор и шипов на обуви может в экстазе очень жестко обойтись с рабом, его ртом или анусом. А удлиненные ногти на ногах — настоящее холодное оружие. Это становится очевидным, если учесть, что весь процесс происходит в неконтролируемом порыве дикой страсти и при теснейшем контакте. Волдыри от кнута заживут, при золотом дожде захлебнуться может только идиот, Spitting вообще безобиден как дитя, а Женское Доминирование Ногами — это опасный, яркий и потому особо чувственный акт полонения Госпоже!

Для меня фут-фетиш прежде всего акт поклонения ногам Госпожи. Топтание, пинание всё это приложение к Footworship. Триада: целование, лизание и сосание ног Доминирующей Женщины реализуется в следующих направлениях:

v Поклонение голым ногам Госпожи — естественно, пальчикам, ноготкам, подошвам, пяточкам. Раб имеет возможность исцеловать, вылизать и обсосать все участки стопы Госпожи, воздав должное её педикюру, завершить акт почтительным поцелуем взъема прекрасной ножки или раболепно лизнуть пяточку.

v Поклонение ногам Госпожи в чулках или колготках. Меня лично интересует, главным образом, чулки и колготки, дающие возможность видеть прекрасную ножку в чулочном ореоле ткани — нейлон, сетчатые, узорчатые прозрачные материалы, нескрывающие пальчики, драгоценный педикюр Госпожи.

v Поклонение ножкам Госпожи в туфлях. И здесь я всецело за открытые босоножки на шпильках. Хотя сейчас столько сексальной обуви, дающей доступ взгляду раба к пальчикам ног. Нога может быть как обнаженной, так и в указанных выше чулочно-колготочных драпировках.

v Поклонение ногам в закрытой обуви, в том числе сапогам, сапожкам, полуботинкам, ботфортам. Тут раболепие с элементами фантазии, т. к. раб в воображении дорисовывает в видимую обувь божественную ножку Госпожи находящуюся в ней, но невидимую.

v Отдельно нужно сказать, что поклонение ножкам Госпожи может быть в самых различных обрамлениях: чистые ноги, ноги в чулках и обуви, испачканные уличной и домашней грязью, вспотевшая ножка с запахом и вкусом свежего (или несвежего) пота и носимой обуви; ноги, чулки и обувь залитые биологическими жидкостями — спермой (например, раба или мужчины, с которым Госпожа имела сношение и дала вылизать ножку рабу), мочой, калом, слюной другими чудесными выделениями Госпожи. Облизывание ног покрытых, скажем кремом, мороженым, шоколадом, фруктами и т. д. и т. п.

Я, закоренелый педикюрщик, не помню ни одной нашего с Госпожой дня без его почитания, я в него влюблен. Госпожа так прекрасна на этом «Пьедестале»! Ради этого счастья я всё стерплю!

Мы сидим в гостиной на диване. Она — большая красивая, горячая после ванны, сексуальная Кошка. Отдыхает и нежится. Голая и волнующая. Только на голове — тюрбан из полотенца. В руке длинный стакан с холодным соком. Мурлыкает:

— Собирайся. Тебе обязательно, сейчас же нужно съездить к своему стоматологу, обработать рану. Никаких потом. Надо! В чём проблема?

— Дорогая, но что я скажу врачу?

— Правду, всегда нужно говорить правду. Скажешь, что разодрал ногтем. Нечаянно.

И она невинно выставляет, игриво вращая стопой, свою ножку уже без золота, но всё еще с ультрамариновым педикюром.

Мы оба смеемся.

— Да, я правда не хотела,... Я — нечаянно. — Мурлыкает она.

Смех еще громче.

Ибо сказано: «В несчастье ближнего есть что-то веселящее».